

УДК 322 (470.342) (091)
DOI: 10.17223/19988613/62/9

Е.Н. Немчанинова, М.Ю. Половникова

ГУБЕРНАТОР И ЕПИСКОП В СИСТЕМЕ ЦЕРКОВНО-ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в. (НА МАТЕРИАЛАХ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00449.

Анализируются особенности статуса представителей духовной и светской власти на местах в системе церковно-государственных отношений второй половины XIX – начала XX в. Авторы исходят из позиции, что губернаторы и епископы в этот период являлись ключевыми элементами системы церковно-государственных отношений, так как существовали серьезные местные вариации их характера, обусловленные объективными и субъективными влияниями. На примере социально-демографических характеристик представителей светской и духовной власти Вятской губернии в статье предпринимается попытка выявить основы и форматы церковно-государственных отношений на местном уровне.

Ключевые слова: губернаторы; епископы; Русская православная церковь; Вятская губерния; Вятская епархия; церковно-государственные отношения.

Действующая в настоящее время Стратегия национальной безопасности Российской Федерации [1] в качестве ключевых национальных интересов в числе прочих называет укрепление национального согласия, политической и социальной стабильности, сохранение и развитие культуры, традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Полномасштабная реализация этих задач невозможна без учета особенностей пути, пройденного Россией, исторически формировавшейся в виде многонационального и поликонфессионального государства. Важной составляющей этого пути было выстраивание взаимоотношений между государством и Русской православной церковью, являвшейся на всем протяжении истории не только ключевым религиозным институтом, но и хранителем и транслятором значимых для всех и каждого нравственных ориентиров. Во второй половине XIX – начале XX в. в жизни российского общества, государства и РПЦ происходят важные изменения, обусловленные началом либеральных преобразований, непосредственно отразившихся на развитии всех сфер жизни общества. В этот период государству и церкви удается консолидировать усилия в целях совместного ответа на новые вызовы эпохи, и этот опыт не может быть оставлен без внимания сегодня, когда на государственном уровне ставится задача сохранения и развития традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Ключевыми фигурами системы церковно-государственных отношений на местном уровне сегодня и в прошлом являлись представители светской (губернаторы) и духовной (епископы) власти, в связи с чем исследование основ и форматов взаимодействия этих субъектов представляется актуальной исследовательской задачей.

Как справедливо отмечает Н.П. Матханова, «контакты, тесное взаимодействие были естественной и обязательной частью политики и повседневной деятельности государственных и церковных институтов,

но конкретный характер этого взаимодействия зависел от ряда факторов, как объективных, так и субъективных, т.е. от людей» [2. С. 202]. В качестве объективных причин конфликтов между светской и духовной властями в Сибири исследователь отмечает неясность в распределении полномочий, в субординационных вопросах, несовпадение интересов и приоритетов церкви и государства, среди субъективных – наличие или отсутствие у конкретных людей мудрости, честности, готовности к поискам разумного компромисса.

Развивая мысль Н.П. Матхановой, можно назвать и другие объективные условия, оказывающие непосредственное влияние на характер церковно-государственных отношений на местном уровне. Так, важным фоном государственно-церковного взаимодействия выступали особенности местности, в которой доводилось проходить службу губернаторам и епископам. Специфика места службы определяла приоритеты государственной и религиозной политики, возможности исполнения поступающих из центра предписаний, заставляла местную светскую и церковную власть искать способы адаптации к свойственным региону условиям, традициям, социальному и национальному составу населения. Так, удаленность от центра, с одной стороны, располагала к сближению интересов светской и церковной власти, с другой – давала возможность для эскалации потенциальных конфликтов, скрытых от прямого контроля и вмешательства со стороны центральных органов. Проанализируем, каким именно образом могли влиять обозначенные объективные факторы на возможности светской и духовной власти на местах в деле реализации стоящих перед ними задач на примере Вятской губернии.

Во-первых, необходимо сказать об удаленности Вятской губернии от центральных и значимых в разных отношениях городов Российской империи. Расстояние от Санкт-Петербурга до губернского центра, города Вятки, составляло 1486¼ версты, удаленность

Вятки от Москвы – 973¼ версты. Вятку и Казань разделяли 420¼ версты, Вятку и Нижний Новгород – 583¼ версты [3. С. 335].

Этот фактор в условиях неразвитости дорожной инфраструктуры затруднял коммуникацию между местной и центральной властью (как светской, так и духовной), между регионом и соседними губерниями, что, безусловно, сказывалось на скорости принятия и исполнения управленческих решений.

По площади Вятская губерния представляла собой довольно значительное территориальное образование. По состоянию на 1858 г. территория губернии составляла 117 тыс. кв. верст [Там же. С. 169], в 1916 г. – 135 тыс. кв. верст [4. С. 84]. Естественно, что управление такой обширной территорией требовало значительных усилий со стороны губернской и епархиальной власти, а отмеченная неразвитость дорожной инфраструктуры усугубляла бесконтрольность власти на местах. По численности населения (3 030 831 человек) Вятская губерния в конце XIX в. (по Переписи 1897 г.) занимала второе место в Российской империи после Киевской губернии, а к 1913 г. население Вятской губернии увеличилось до 3 813 000 человек [5. С. 26]. При значительной общей численности населения его плотность в Вятской губернии была невелика: по данным 1840 г. она составляла 25 человек на одну квадратную версту, а в конце XIX в. – 22 человека на одну квадратную версту [6. С. 47].

В основном разрезе основную часть населения составляли крестьяне: 91,5% в 1854 г., 97% в 1897 г. [7. С. 66; 8. Т. 10. С. 7]. Среди крестьян в дореформенный период преобладали государственные крестьяне, составлявшие 88%, и лишь 2,2% составляли помещичьи крестьяне [9. С. 66]. Весьма незначительной была доля дворянства в составе населения Вятской губернии. По данным за 1868 г., в губернии проживало 1 049 потомственных и 3 255 личных дворян, что в сумме составляло около 0,18% от общей численности населения региона [10. С. 6–8]; к 1897 г. этот показатель увеличивается до 0,3%. Лица духовного звания, согласно данным Переписи 1897 г., составляли 0,5% населения [8. Т. 10. С. 7].

Особенностью Вятской губернии, обусловленной историческими предпосылками, являлась и ее многонациональность. В материалах Переписи населения 1897 г. все народности, проживавшие на территории губернии, были распределены на три группы: русская (77,5%), финская («главным образом, вотяки, черемисы и пермяки», 17,6%) и турецко-татарская (татары, башкиры, тептяри, 4,9%). В пояснениях к Переписи указано, что народность определялась на основании показаний о родном языке.

По вероисповеданию большую часть населения губернии по состоянию на 1897 г. составляли православные (92%), среди представителей остальных конфессий наиболее значительные группы составляли магометане (4,4%) и старообрядцы (3,3%). Приверженцы всех прочих религий, представленных на территории региона, составляли в сумме около 0,3% населения [Там же. С. 5].

Население Вятской губернии в рассматриваемый период отличалось также низким процентом грамотности, который к 1897 г. составил около 16% [8. Т. 10. С. 6]. По этому показателю губерния занимала 44-е место среди 50 губерний Европейской России [11. С. 56].

Анализ вышеприведенных фактов позволяет говорить о Вятской губернии и Вятской епархии (границы которых в рассматриваемый период совпадали) как о весьма специфичном объекте с точки зрения управления. Специфика его определяется прежде всего величиной территории и значительной численностью населения. Протяженность территории, низкая плотность населения, неразвитость дорожной инфраструктуры в значительной мере сокращали возможности контроля губернской и епархиальной власти за работой на местах.

Значительная протяженность края вызывала необходимость много времени проводить в разъездах при обозрении губернии и епархии, проезжать за это время огромные расстояния. Так, губернатор В.И. Чарыков за 15 дней обозрения губернии с 26 ноября по 12 декабря 1874 г., согласно данным маршрутного листа, проехал более 1 000 верст [12. Л. 161–162]. Обстоятельства обозрения епархии в том же 1874 г. владыкой Аполлосом описываются в заметке «Вятских губернских ведомостей»: «Все путешествие Владыки совершилось в 19 дней, при чем сделано 1 231 верст пути» [13. С. 3].

Масштабы Вятской губернии (и епархии) создавали определенные сложности в деле борьбы со старообрядцами и сектантами. Так, А.А. и В.В. Машковцевы, анализируя динамику численности старообрядцев в Вятской губернии во второй половине XIX – начале XX в., отмечают, что количество сторонников старой веры выросло с 38 996 человек в 1855 г. до 115 644 человек в 1909 г. [14. С. 6]. Среди причин роста численности старообрядцев исследователи называют естественный прирост численности старообрядцев (на фоне общего демографического взрыва), переходы в старообрядчество из лона официальной церкви, надежды на легализацию старообрядчества в связи с либерализацией конфессиональной политики при Александре II, а также невозможность священников регулярно оказывать воздействие на паству в силу значительных масштабов приходов [Там же. С. 6–10]. Действительно, величина среднестатистического прихода в Вятской губернии по состоянию на 1890 г. составляла 4 563 человека [15. С. 76–77], что дает основание говорить о том, что приходы Вятской епархии были на тот момент самыми многочисленными во всей Российской империи.

Вопрос о субъектах церковно-государственных отношений, реализуемых на местном уровне, так или иначе сопряжен с необходимостью учета своего рода социального капитала, которым обладали епископы и губернаторы в силу особенностей их статуса. Проанализируем в связи с этим основные социально-демографические характеристики вятских губернаторов и архиереев второй половины XIX – начала XX в.

За рассматриваемый период (вторую половину XIX – начало XX в.) в Вятской губернии (епархии)

сменилось 18 губернаторов (13 вице-губернаторов) и 10 епископов. Средний срок пребывания в должности губернатора составлял в это время 3,5 года (дольше других – 7,5 года – губернаторское кресло занимал А.Ф. Анисьин; самые короткие сроки связаны с губернаторством двух последних «начальников» Вятской губернии – А.Г. Чернявского и Н.А. Руднева – каждый из них занимал пост менее полутора лет). Среди епископов дольше других в рассматриваемый период управлял Вятской епархией Аполлос (Беляев) (с декабря 1866 по июнь 1885 г., т.е. примерно 18,5 года), менее других – Макарий (Миролюбов), пробывший в Вятке чуть более 2 лет¹. Таким образом, замена представителей церковной власти на уровне региона проводилась во второй половине XIX – начале XX в. реже, чем ротации в высшей административной власти. В связи с этим встраиваться в сложившуюся на местном уровне систему отношений между светской и церковной властями чаще приходилось губернаторам, чем епископам (например, за время пребывания владыки Аполлоса во главе Вятской епархии сменилось 4 губернатора).

По данным А.И. Конюченко, 87,7% архиереев, чья деятельность приходится на вторую половину XIX – начало XX в., принадлежали по рождению к духовному сословию (из числа архиереев, данные о происхождении которых доступны для анализа) [15. С. 269]. Все 10 епископов (100% состава), стоявших во главе Вятской епархии в этот период, являлись выходцами из духовного сословия (чаще всего были детьми священников, в отдельных случаях – пономарей и причетников).

Большинство представителей вятского губернаторского корпуса второй половины XIX – начала XX в. были потомственными дворянами (за исключением Н.В. Компанейщикова, являвшегося выходцем из обер-офицерских детей). Отдельно можно сказать и о последнем вятском губернаторе Николае Андреевиче Рудневе, родившемся в семье получившего дворянство священника Новосильского уезда Тульской губернии.

Принадлежность к разным по статусу сословиям предопределяла и специфику образовательных траекторий представителей духовной и светской власти. Дети духовенства, как правило, получали образование в ближайших к дому родителей духовных училищах (срок обучения в которых составлял 4 года), а затем продолжали его в духовных семинариях своих епархий (срок обучения – 6 лет), т.е. в губернском (кафедральном) городе [Там же. С. 272]. Полный же цикл духовного образования в дореволюционной России продолжался в общей сложности 14 лет: если ко времени обучения в духовном училище и духовной семинарии добавить еще 4 года духовной академии [16. С. 88].

К началу XX в. в России существовало 4 духовные академии – Казанская, Киевская, Московская (в Сергиевом Посаде) и Санкт-Петербургская. Подчеркивая значимость для государства высшего духовного образования, Николай II во время празднования 300-летия дома Романовых, 21 февраля 1913 г., наименовал эти

академии (по аналогии с университетами) «Императорскими» [17. С. 32]. По замечанию А.И. Конюченко, звание «рассадника архиереев» по состоянию на 1917 г. удерживала Киевская духовная академия (29,6% епископов с высшим образованием были ее выпускниками). Все вятские епископы второй половины XIX – начала XX в. имели высшее духовное образование, однако выпускниками Киевской духовной академии были только двое из десяти архиереев – Аполлос (Беляев) и Никандр (Феноменов). Пять епископов окончили Санкт-Петербургскую духовную академию, трое – Московскую.

А.В. Скутнев отмечает, что уровень образования, полученного в духовных школах, был сопоставим с образованием, полученным в светских учебных заведениях: «Духовные семинарии являлись аналогом высшего образования, особенно в провинциальных городах. Акцент в них делался на гуманитарные науки, и в этом плане будущие клирики не могли не стать частью русской интеллигенции, сформированной гуманистическими идеалами, составив интеллектуальную элиту страны» [18. С. 151–152].

Д.В. Прахт, анализируя воспоминания выпускника Санкт-Петербургской духовной академии А.Г. Ширяева, также приходит к выводу о высоком качестве образования, получаемого в духовных академиях: «На примере конкретной личности мы видим, что человек, прошедший все ступени духовного образования, был эрудирован: владел несколькими новыми и древними языками, разбирался в философии, хорошо знал историю, свободно ориентировался во всех общественно-политических движениях. По окончании обучения выпускник представлял собой разносторонне, гармонично развитую личность и мог, будучи достаточно подготовленным, выбирать дальнейший путь в своей жизни – либо священника, либо чиновника» [16. С. 90–91]. Возможность выбора карьерного пути после окончания духовной академии подтверждают приведенные А.Г. Ширяевым в мемуарах данные о распределении однокурсников: «I группа – иерархи (архиереи) – 7 человек; II группа – рядовые священники – 10 человек; III группа – педагоги (некоторые потом чиновники) – 13 человек; IV группа – чиновники – 18 человек» [Там же. С. 90].

Приведенные в воспоминаниях А.Г. Ширяева сведения подтверждают тезис Н.Ю. Суховой об особом положении православной духовной школы в России, «обусловленном ее непростым историческим путем и спецификой русской культуры и просвещения» (с одной стороны, она была включена в единое научно-образовательное пространство с государственными дипломами и аттестатами для выпускников, с другой стороны, «православные духовные школы составляли особую систему, находившуюся в ведении высшего церковного управления») [19. С. 235].

Анализ образовательного уровня вятских губернаторов второй половины XIX – начала XX в. показывает, что высшее образование имели лишь 11 из 18 (чуть

более 60%), среднее образование – треть губернаторов рассматриваемого периода, домашнее образование – 1 (Н.Н. Семенов). Среди губернаторов, имевших высшее образование, было три выпускника Царскосельского (Александровского) лицея (М.К. Клингенберг, Н.А. Тройницкий и И.М. Страховский). В Московском университете учились 5 вятских губернаторов (учился в Московском университете, но не окончил полного курса наук в нем А.Н. Волков). Петербургский университет со степенью кандидата прав окончили два вятских губернатора – Н.М. Клингенберг и П.К. Камышанский. Предпоследний вятский губернатор А.Г. Чернявский, занимавший пост в 1914–1915 гг., являлся выпускником Новороссийского университета. Большинство вятских губернаторов, имевших университетское образование, оканчивали юридический факультет (за исключением Н.А. Руднева, выпускника медицинского факультета Московского университета 1887 г.) [20. Л. 206; 21. Л. 31; 22. Л. 8].

Пять вятских губернаторов второй половины XIX – начала XX в. являлись выпускниками военных учебных заведений (среди которых Пажеский корпус, Павловский, Михайловский кадетские корпуса). В дворянской среде долгое время обучение в военном учебном заведении считалось более престижным, чем обучение в университете, к чему были и объективные (не только статусные) причины. С момента создания кадетские корпуса имели двоякую цель: они должны были давать военное и гражданское образование и готовить офицеров для армии и гражданских чиновников для государственных учреждений, что открывало для выпускников дополнительные возможности [23. С. 37].

Таким образом, сравнение уровня образования представителей светской и духовной власти на региональном материале позволяет сделать вывод о том, что формально высшее духовенство было более образованным слоем, чем представители высшей гражданской администрации (с точки зрения оценки средних показателей уровня полученного образования). Хотя об уровне эрудиции, управленческих способностях и других важных компетенциях представителей власти (как светской, так и духовной) правильнее говорить с позиции индивидуального подхода к каждой рассматриваемой персоне. Как среди губернаторов, так и среди епископов второй половины XIX – начала XX в. были выдающиеся личности, известные (или приобретшие известность позже) далеко за пределами региона. Так, широтой интересов отличался вятский губернатор Валерий Иванович Чарыков (1869–1875), являвшийся действительным членом Русского географического общества по отделению этнографии. За время прохождения военной, а позже гражданской службы В.И. Чарыкову удалось посетить многие страны мира (Германию, Францию, Англию, Австрию, Италию, Голландию, Бельгию, Мексику, США, Персию, Алжир, Египет и др.). В период прохождения службы при почтовом департаменте Чарыкову довелось побывать в Сибири,

на Камчатке и в Кяхте, в итоге в 1850 г. им были опубликованы «Заметки о торговых путях в Восточной Сибири», содержащие рекомендации по развитию пароходства в Обском бассейне и улучшению торговли России с Китаем. Кроме обозначенного труда, В.И. Чарыков являлся автором «Путевых заметок за границей» (своего рода путеводителя по странам Европы), «О торфяном производстве за границей», «Списка гг. дворян, владеющих землею в Самарской губернии в 1866 году».

Членом и сотрудником Императорского русского географического общества, действительным членом Императорского русского археологического общества был вятский епископ Макарий (Миролюбов), известный краевед, историк, исследователь древних церковных памятников и рукописей. Перу Макария принадлежали такие труды, как «Описание Оранской Богородицкой пустыни» (1848), «Сказание о жизни и чудесах Преподобного Макария, Желтоводского и Унженского Чудотворца» в двух частях (1851), «Архиепископ Питирим» (1851), «История нижегородской иерархии, содержащая в себе сказание о нижегородских иерархах с 1672 до 1850 года» (1851), «Памятники церковных древностей. Нижегородская губерния» (1857), «Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях» (1860), «Путеводитель по Новгороду с указанием на его церковные древности и святыни» (1862), «Описание Новгородского Архиерейского дома» (1862) и др. Макарий известен также своей блестящей речью в 1862 г. при открытии памятника «Тысячелетие России» [24. С. 214].

Анализ возрастных характеристик представителей светской и духовной власти показывает, что в среднем губернаторы были моложе епископов. Средний возраст вятских губернаторов второй половины XIX – начала XX в. – около 46 лет, средний возраст епископов – 53 года. Самым молодым губернатором рассматриваемого периода был Н.А. Тройницкий, вступивший в управление Вятской губернии в возрасте 34 лет, самым «возрастным» – А.Н. Волков, которому к моменту получения должности было 63 года. Среди епископов моложе других был 40-летний Никон (Софийский), старше остальных – Макарий (Миролюбов), получивший в управление Вятскую кафедру в возрасте 68 лет (Христофору (Эммаусскому), уволенному на покой после назначения в Вятку, был 71 год). Влияние возраста представителей власти на характер и стиль управления нашло отражение в мемуарах вятского вице-губернатора В.А. Ратькова-Рожнова: «Мне пришлось в Вятке служить последовательно с двумя губернаторами², из которых один попал на эту должность на 32 году жизни, совершенно неподготовленным к этой серьезной и ответственной должности, поэтому, имея за собой мало опыта и много уверенности, он высоко мнил о своих достоинствах, в действительности же был потешен в своей представительной роли, – а другой, напротив того, был назначен почти в престаре-

лом возрасте и если и имел 60 с небольшим лет, то от прежней бурной жизни представлялся человеком совсем отжившим, для которого полный покой казался целесообразнее всякой деятельности» [25. Л. 3 об.]. В итоге период губернаторства А.Н. Волкова, по словам В.А. Ратькова-Рожнова, был связан в большей степени с деятельностью правителя канцелярии, которому губернатор доверял решение всех важнейших вопросов. В свою очередь молодость владыки Никона позволила ему за время управления Вятской епархией посетить почти все ее приходы, даже те из них, жители которых ни разу не видели в своих храмах архиерея.

Интересным фактом является то, что как среди вятских губернаторов, так и среди архиереев второй половины XIX – начала XX в. не было ни одного выходца из Вятской губернии. Если применительно к губернаторам эту особенность можно объяснить тем, что дворян в губернии было мало, а губернаторский корпус в большинстве своем формировался из дворянских детей, то применительно к составу архиереев причины игнорирования в качестве кандидатов представителей местного духовенства не столь очевидны. В целом, по данным А.И. Конюченко, Вятская губерния была родиной 9 архиереев, чья деятельность приходится на рассматриваемый период (для сравнения, в соседней губернии, Пермской, родился лишь 1 архиерей, хотя численность населения регионов была примерно одинаковой) [15. С. 272]. Отсутствие связи с регионом у носителей светской и церковной власти можно рассматривать как фактор, уравнивающий в контексте исследуемой темы о положении губернатора и епископа.

Обратимся к характеристике сфер взаимодействия духовной и светской властей на региональном уровне. Анализ круга обязанностей губернатора позволяет сделать вывод, что он был очень широким (Г.В. Алексущин выделяет до 20 функций губернаторской власти [26. С. 47]). Выполнение этих функций было возложено не только на губернаторов, но и на губернские органы, однако ответственным за их реализацию был «начальник губернии». Согласно «Высочайше утвержденному общему наказу гражданским губернаторам» от 1837 г. [27], губернаторы несли ответственность за охрану государственных интересов во всех сферах жизни, за хозяйство, промышленность и торговлю, продовольственное обеспечение, здравоохранение, народное образование, социальное призрение, общественный порядок и безопасность граждан, соблюдение правосудия и т.д. Губернаторы обязаны были координировать работу всех учреждений управления (комитетов, комиссий, приказов, присутствий), параллельно осуществляя надзор за качеством выполнения должностных обязанностей чиновниками.

В «Наказе» можно увидеть и правовые основы взаимодействия светской и духовной власти: «Гражданские губернаторы обязаны, во всяком случае и всюю предоставленную им властью, содействовать Православному духовному начальству в охранении прав

церкви и незыблемости самой веры, наблюдая тщательно, чтоб ереси, расколы, и другие, предрассудками и невежеством порождаемые заблуждения, не были распространяемы между жителями вверенной им губернии, и чтобы для отвращения сего зла и производимых оным соблазнов, были употребляемы благовременно все предписанные общими установлениями и особыми Высочайшими повелениями меры» [27].

Реализация мер по охранению прав церкви и незыблемости веры, упомянутых в приведенной статье закона, предполагала активность как со стороны светских, так и духовных властей. Этот комплекс мер включал не только применение наказаний (ресурс которого духовная власть не могла использовать без поддержки светской), но и просветительскую, миссионерскую работу (содержательная часть которой была в компетенции духовной власти, а организационная также предполагала участие светской), строительство и содействие строительству православных храмов и т.д.

Безусловно, все аспекты церковно-государственного взаимодействия на региональном уровне не могли быть отражены в законодательстве, многие из них определялись личными устремлениями представителей власти. Как справедливо отмечает Н.П. Матханова, на характер церковно-государственных отношений заметное влияние оказывали и личные качества архиереев и губернаторов, которые «были не только деятелями церковной и светской администрации, но и живыми людьми, очень разными и находившимися в очень разных человеческих отношениях» [2. С. 204].

Так, вятский губернатор Владимир Николаевич Струков (1863–1866) предпринял все усилия для того, чтобы при нем был достроен Александро-Невский собор (по проекту архитектора А.Л. Витберга), строительство которого продолжалось к тому моменту почти четверть века. Для этого в мае – июне 1864 г. губернатор разослал в адрес уездных исправников, городских голов Вятской губернии письма с призывом «оказания содействия к приглашению жителей к пожертвованиям на окончательное устройство собора» [28. К. 1-2], в итоге необходимая сумма была собрана, и в октябре этого же года состоялось торжественное освящение собора. Через 6 лет после освящения собора губернатор В.И. Чарыков, по свидетельствам современника, на собственные средства покрасил все 5 куполов Александровского собора в голубой цвет «с наложением на средний купол металлических позолоченных звезд». В этом же, 1870 г., Чарыков пожертвовал в вятскую Крестовую церковь [архиерейского дома] икону распятия Христа Спасителя на зеркальном стекле стоимостью 500 рублей [29. С. 14; 30. С. 1].

Доступны для анализа и документальные свидетельства участия вятских губернаторов в церковных праздниках, значимых для жителей губернии. Так, в еженедельной записке от 26 мая 1869 г. на имя министра внутренних дел В.И. Чарыков писал: «Из Вятки ежегодно совершается крестный ход с иконою Николая Чудотворца, на место явления – в село Великорецкое, в

Орловский уезд, в 73х верстах от Вятки, куда стекается большое число богомольцев даже из других губерний. Желая лично видеть заведенный там порядок, при значительном стечении народа, 23 сего Мая я ездил в означенное село, где народу было до 30 тысяч человек; но во время праздника и крестного хода соблюдался порядок и никаких происшествий не было» [31. С. 98].

Непосредственное участие в торжествах в Велико-рецком принимал и губернатор Н.А. Тройницкий: «Воспитанный в православной семье, Н.А. Тройницкий следовал установленным традициям. В дни крестного хода, в дни почитания иконы Святителя Николая на реке Великой губернатор посещал село Великорецкое Орловского уезда, где проводились торжества» [32. С. 177]. В период губернаторства Н.А. Тройницкого при Вятском Мариинском детском приюте (попечительницей которого была жена губернатора) был устроен домовый храм, средства на строительство которого были получены из фонда елабужского купца И.И. Стахеева [Там же].

Таким образом, степень участия губернаторов в церковных делах во многом определялась их личными устремлениями, возможно, и степенью религиозности. К слову, не все вятские губернаторы второй половины XIX – начала XX в. были православными по вероисповеданию: так, формулярный список губернатора Михаила Карловича Клингенберга содержит информацию о лютеранском вероисповедании чиновника. Однако его сын, Николай Михайлович Клингенберг, ставший в 1896 г. по примеру отца вятским губернатором, в формулярном списке значится как православный [33. Л. 1 об.; 34. Л. 3 об.]. Впрочем, это соответствовало духу времени: Л.М. Лысенко отмечает, что значительная часть прибалтов постепенно «обрусела», и «дети многих губернаторов-лютеран принимали православие» [35. С. 191].

В целом же нельзя не согласиться с Н.П. Матхановой в том, что главы епархий были «встроены» в церковную вертикаль примерно так же, как главы губерний – в светскую. Безусловно, существовали специфические особенности как правового, так и личного статуса обоих субъектов: «будучи формально равными губернаторам и независимыми от них, на деле архиереи находились на иерархической лестнице ниже, что было следствием общей подчиненности церкви государству» [2. С. 202].

Сюжеты из истории взаимоотношений светской и духовной власти Вятской губернии во второй половине XIX в. позволяют проиллюстрировать эту мысль. Сложившаяся в 1881 г. ситуация описывается в мемуарах упоминаемого ранее вятского вице-губернатора В.А. Ратькова-Рожнова и была связана с реакцией вятской общественности на известие о гибели императора Александра. Трагические события в Петербурге пришлись на время отпуска губернатора Н.А. Тройницкого, поэтому исполняющим его обязанности был в тот момент Ратьков-Рожнов. В своих мемуарах он поясняет, что не получил вовремя телеграммы от министра внутренних дел о случившемся, однако утром 2 марта

до него начали доходить слухи от представителей других ведомств, которые получили от своего начальства соответствующую информацию. Чтобы проверить ее достоверность, В.А. Ратьков-Рожнов связался с казанским губернатором, от которого в течение 5 ч получил подтверждение «справедливости ужасной вести». За это время, несмотря на предупреждение вице-губернатора, начальники многих ведомств стали приводить к присяге своих подчиненных. «Местный же архиерей, – пишет В.А. Ратьков-Рожнов, – не дожидаясь губернаторского извещения и несмотря на ранее сделанное мною предупреждение, руководствуясь сообщением воинского начальника о полученной им телеграмме военного министра, велел служить в соборе панихиду и после нее читать присягу для народа, находившегося в церкви, без всякого участия и присутствия гражданского начальства». «Картиной полного безупрочия» называет В.А. Ратьков-Рожнов случившееся потому, что распоряжение в данном случае «идет не от одного лица, и притом главного, а производится отдельными начальниками по собственному усмотрению» [25. Л. 67–68]. Однако история на этом не закончилась, так как на следующий день владыка Аполлос (не получив соответствующего указа или распоряжения из Синода) велел праздновать восшествие на престол Александра III торжественной литургией и трехдневным колокольным звоном. По просьбе Ратькова-Рожнова неуместный, по его мнению, звон был прекращен: «На этот раз старик архиерей меня послушал, и звон прекратился, но все-таки неумелое распоряжение было сделано: целые сутки бесцельно звонили, и было торжественное богослужение в соборе без представителя власти» [Там же. Л. 69–69 об.].

Подобного рода конфликты между представителями светской и духовной власти были скорее исключением из общего правила, ориентирующего епископов и губернаторов на решение общих задач государственной важности, спектр и острота которых возрастали в условиях реализации либерального курса правительства.

Анализ основ и форматов взаимодействия светской и духовной власти на региональном уровне позволяет говорить о том, что губернаторы и епископы действительно выступали ключевыми фигурами системы государственно-церковного взаимодействия на местах. Во второй половине XIX – начале XX в. высокий образовательный уровень и богатый управленческий опыт, которыми обладали епископы и губернаторы, являлись позитивным фактором развития церковно-государственных отношений. Безусловно, основная ответственность за успешность реализации религиозной политики на уровне региона лежала на представителях духовной власти, однако ее ресурсов было недостаточно для того, чтобы реализовывать все возложенные государством на духовенство функции. В связи с этим часть функций, исходя из смысла закона или в рамках сложившейся практики взаимодействия, брали на себя представители власти светской. Чаше всего функционал губернаторов в сфере

реализации религиозной политики определялся готовностью конкретных администраторов брать на себя ответственность, уровнем компетенций должностных лиц, иногда — их степенью религиозности. Взаимодействие светской и духовной власти по определению не могло

быть в полной мере бесконфликтным, так как это было не только взаимодействие должностных лиц, но и конкретных людей, среди которых встречались амбициозные, бескомпромиссные, властные личности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Данные о сроках пребывания на Вятской кафедре приводятся без учета назначения в июне 1866 г. Христофора (Эммаусского), которое в силу состояния здоровья владыки не могло быть принято, в связи с чем Синод в октябре того же года уволил его на покой.

² Имеются в виду Н.А. Троицкий (период губернаторства — 1876–1882) и А.Н. Волков (1882–1887).

ЛИТЕРАТУРА

1. Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (часть II). Ст. 212.
2. Матханова Н.П. Сибирские губернаторы и епископы XIX в.: контакты, конфликты, компромиссы // Азиатская Россия: люди и структуры империи: сборник научных трудов. Омск : Полиграфический центр КАН, 2016. 480 с.
3. Памятная книжка Вятской губернии на 1860 год. Вятка : Типография губернского правления, 1860. 358 с.
4. Памятная книжка и Адрес-Календарь Вятской губернии на 1916 год. Вятка : Губернская типография, 1916. 386 с.
5. 200 лет Вятской губернии. Статистический сборник. Киров : ГИПП «Вятка», 1996. 437 с.
6. Лаврентьев К.В. География Вятской губернии. Вятка : Типография Маишеева, 1890. 232 с.
7. Памятная книжка Вятской губернии за 1854 год. Вятка : Губернская типография, 1853. 92 с.
8. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года / изд. Центр. Стат. комитетом М-ва вн. дел ; под ред. Н.А. Троицкого. СПб., 1897–1905.
9. Памятная книжка о состоящих в государственной и общественной службе по Вятской губернии на 1854-й год. Вятка : Губернская типография, 1853. 88 с.
10. Памятная книжка Вятской губернии за 1870 год. Отдел IV. Вятка : Типография Губернского Правления, 1870. 104 с.
11. Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.). М. : Государственное статистическое издательство, 1956. 352 с.
12. Центральный государственный архив Кировской области (ЦГАКО). Ф. 582. Оп. 28. Д. 364.
13. Вятские губернские ведомости (ВГВ). 1875. № 1.
14. Машковцев А.А., Машковцева В.В. Старообрядцы и сектанты Вятской губернии во второй половине XIX — начале XX века: взаимоотношения с региональными властями и православной церковью. Киров : Радуга-Пресс, 2015. 219 с.
15. Конюченко А.И. Православное духовенство России во второй половине XIX — начале XX века : дис. ... д-ра ист. наук. Челябинск, 2006. 222 с.
16. Прахт Д.В. Роль дореволюционного духовного образования в формировании личности // Вестник Тобольской государственной социально-педагогической академии им. Д.И. Менделеева. 2010. № 2. С. 82–92.
17. Бабкин М.А. Священство и Царство (Россия, начало XX в. — 1918 г.). Исследования и материалы. М. : Индрик, 2011. 920 с.
18. Скутнев А.В. Идеалы и установки духовного сословия в XIX — начале XX в. // Вопросы истории. 2017. № 11. С. 151–155.
19. Сухова Н.Ю. Государственная политика России в сфере высшего духовного образования (XVIII — начало XX в.) // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4–4 (64). С. 232–236.
20. ЦГАКО. Ф. 582. Оп. 19 «а». Д. 2.
21. ЦГАКО. Ф. 583. Оп. 603. Д. 962.
22. ЦГАКО. Ф. 583. Оп. 603. Д. 951.
23. Крылов В.М. Кадетские корпуса и российские кадеты. СПб.: Издание Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, 1998. 671 с.
24. Святители земли Нижегородской [авт.-сост.: игумен Тихон (Н.И. Затекин); О.В. Дегтева; Нижегород. епархиальное упр. и др.]. Нижний Новгород: Центр содействия бизнесу, 2003. 539 с.
25. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 1148.
26. Алексушин Г.В. Развитие губернаторской власти в России (1708–1917 гг.): исторический опыт и уроки : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2009. 457 с.
27. Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. СПб., 1838. Т. 12. Отд. I. Ст. 10303. С. 361–439.
28. ЦГАКО. Ф. 582. Оп. 52. Д. 729.
29. Прохоров А.А. Город Вятка и его обыватели: мемуары / под ред. М.С. Судовикова, Е.И. Пакиной. Киров : Экспресс, 2010. 152 с.
30. ВГВ. 1870. № 103/104.
31. Российский государственный исторический архив. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 126.
32. Романенко Л.М. Николай Александрович Троицкий (1842–1913) // Почетные граждане города Вятки: Исторические портреты. Киров : ИД «Герценка», 2015. 480 с.
33. ЦГАКО. Ф. 582. Оп. 24«б». Д. 79.
34. ЦГАКО. Ф. 582. Оп. 138. Д. 200.
35. Лысенко Л.М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII — начало XX века). М. : Изд-во МГПИУ, 2001. 358 с.

Evgeniya N. Nemchaninova. Vyatka State University (Kirov, Russia). E-mail: evgeniya_nem@mail.ru

Marina Y. Polovnikova. Vyatka State University (Kirov, Russia). E-mail: pmia@mail.ru

THE GOVERNOR AND DIOCESAN IN THE SYSTEM OF CHURCH-STATE RELATIONS IN THE SECOND HALF OF THE XIX - EARLY XX CENTURIES (ON THE MATERIALS OF THE VYATKA PROVINCE)

Key words: governors, dioceses, Russian Orthodox Church, Vyatka province, Vyatka diocese, Church-state relations.

The purpose of the work is to analyze the foundations and formats of relations between secular and spiritual authorities in the localities in the second half of the XIX - early XX centuries from the standpoint of comparing the status of the governor and the diocesan as key figures in the system of church-state relations of this period. The source base of the work is archive documents (Central State Archive of the Kirov Region and the Russian State Historical Archive), statistical data (including materials from the First General Population Census of 1897), legislative acts, sources of personal origin (memoirs of the Vyatka Vice-Governor V. Ratkov-Rozhnov, merchant A. Prozorov) and others.

The article analyzes the totality of objective and subjective factors that directly or indirectly influenced the nature of church-state relations on the ground in the second half of the XIX - early XX centuries. There was a serious impact of the nature of local conditions (remoteness

from the center, the area of the controlled territory, the size and qualitative composition of the population) on the specifics of management in the secular and spiritual spheres. The article describes the appearance of representatives of the secular and spiritual power of the Vyatka province in the socio-demographic context (the origin, educational level, age of the Vyatka governors and diocesans are analyzed), which allows to evaluate the basis of their interaction. The formats of church-state relations in a particular region were determined not only by the prescription of the law and attitudes from the central government, but also by the characteristics of the region as an object of management, competences of representatives of secular and spiritual authority, and the specifics of the regional mentality.

The study allows the authors to come to the conclusion about the increased importance of governors and diocesans in the system of church-state relations, since it was these actors who implemented state (including religious) policies on the ground. In this regard, the effectiveness and specificity of the implementation of state policy in the secular and spiritual spheres in specific regions largely depended on the competencies of governors and diocesans, their initiative, personal aspirations, which in turn was determined in part by the level of education, available administrative experience and other components of social capital the subjects studied. In general, the interaction of church and state in the late XIX - early XX century was an important factor in ensuring the stability of the existence of the Russian state, and the relationship of secular and spiritual authorities on the ground set the tone and direction of this interaction.

REFERENCES

1. Russian Federation. (2016) Ukaz Prezidenta RF ot 31.12.2015 N 683 "O Strategii natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii" [Decree N 683 of the President of the Russian Federation of December 31, 2015, "On the National Security Strategy of the Russian Federation"]. *Sobranie zakonodatel'stva RF – Legislation Bulletin of the Russian Federation*. 1(2). Art. 212.
2. Matkhanova, N.P. (2016) Sibirskie gubernatory i episkopy XIX v.: kontakty, konflikty, kompromissy [Siberian governors and bishops of the 19th century: contacts, conflicts, compromises]. In: Suviriva, N.G. & Mulina, S.A. (eds) *Aziatskaya Rossiya: lyudi i struktury imperii* [Asian Russia: People and Empire Structures]. Omsk: Poligraficheskiy tsentr KAN.
3. Korolev, V. (1860) *Pamyatnaya knizhka Vyatskoy gubernii na 1860 god* [The Memorial Book of Vyatka Province for 1860]. Vyatka: Tipografiya Gubernskogo Pravleniya.
4. The Vyatka Statistical Committee. (1916) *Pamyatnaya knizhka i Adres-Kalendar' Vyatskoy gubernii na 1916 god* [The Memorial Book and the Official Directory of Vyatka Province for 1916]. Vyatka: Gubernskaya tipografiya.
5. Anon. (1996) *200 let Vyatskoy gubernii. Statisticheskii sbornik* [200 years of Vyatka Province]. Kirov: Vyatka.
6. Lavrentiev, K.V. (1890) *Geografiya Vyatskoy gubernii* [Geography of Vyatka Province]. Vyatka: Tipografiya Maisheeva.
7. Anon. (1853) *Pamyatnaya knizhka Vyatskoy gubernii za 1854 god* [The Memorial Book of Vyatka Province for 1854]. Vyatka: Gubernskaya tipografiya.
8. Troynitsky, N.A. (ed.) (1897–1905) *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 goda* [The first general census of the population of the Russian Empire in 1897]. St. Petersburg: Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs.
9. Anon. (1853) *Pamyatnaya knizhka o sostoyashchikh v gosudarstvennoy i obshchestvennoy sluzhbe po Vyatskoy gubernii na 1854-y god* [The Memorial Book about those who are in state and public service in Vyatka Province for 1854]. Vyatka: Gubernskaya tipografiya, 1853. 88 s.
10. Anon. (1870) *Pamyatnaya knizhka Vyatskoy gubernii za 1870 god* [The Memorial Book of Vyatka Province for 1870]. Vyatka: Tipografiya Gubernskogo Pravleniya.
11. Rashin, A.G. (1956) *Naselenie Rossii za 100 let (1811–1913 gg.)* [The population of Russia for 100 years (1811–1913)]. Moscow: Gosudarstvennoe statisticheskoe izdatel'stvo.
12. The Central State Archive of Kirov Region (TsGAKO). Fund 582. List 28. File 364.
13. *Vyatskie gubernskie vedomosti*. (1875) 1.
14. Mashkovtsev, A.A. & Mashkovtseva, V.V. (2015) *Staroobryadtsy i sektanty Vyatskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka: vzaimootnosheniya s regional'nymi vlastyami i pravoslavnoy tserkov'yu* [Old Believers and sectarians of Vyatka Province in the second half of the 19th – early 20th centuries: relations with the regional authorities and the Orthodox Church]. Kirov: Raduga-Press.
15. Konyuchenko, A.I. (2006) *Pravoslavnoe dukhovenstvo Rossii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka* [The Orthodox Clergy of Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries]. History Dr. Diss. Chelyabinsk.
16. Prakht, D.V. (2010) Rol' dorevolutsionnogo dukhovnogo obrazovaniya v formirovaniy lichnosti [The role of pre-revolutionary spiritual education in personality formation]. *Vestnik Tobolskoy gosudarstvennoy sotsial'no-pedagogicheskoy akademii im. D.I. Mendeleeva*. 2. pp. 82–92.
17. Babkin, M.A. (2011) *Svyashchenstvo i Tsarstvo (Rossiya, nachalo XX v. – 1918 g.). Issledovaniya i materialy* [Priesthood and Tsardom (Russia, the early 20th century – 1918). Research and materials]. Moscow: Indrik.
18. Skutnev, A.V. (2017) Idealy i ustanovki dukhovnogo sosloviya v XIX – nachale XX v. [Ideals and attitudes of the clergy in the 19th – early 20th centuries]. *Voprosy istorii – Issues of History*. 11. pp. 151–155.
19. Sukhova, N.Yu. (2009) Russian state policy in higher ecclesiastical education (the 18th – early 20th centuries). *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – Izvestia of Altai State University Journal*. 4-4 (64). pp. 232–236.
20. The Central State Archive of Kirov Region (TsGAKO). Fund 582. List 19 "a". File 2.
21. The Central State Archive of Kirov Region (TsGAKO). Fund 583. List 603. File 962.
22. The Central State Archive of Kirov Region (TsGAKO). Fund 583. List 603. File 951.
23. Krylov, V.M. (1998) *Kadetskie korpusa i rossiyskie kadety* [Cadet corps and Russian cadets]. St. Petersburg: Military History Museum of Artillery, Engineering and Signal Corps.
24. Zatekin, N.I. & Degteva, O.V. (2003) *Svyatiteli zemli Nizhegorodskoy* [The Saints of Nizhny Novgorod]. Nizhny Novgorod: Tsentr sodeystviya biznesu.
25. The Manuscripts Department of the Russian National Library. Fund 1000. List 2. File 1148.
26. Aleksushin, G.V. (2009) *Razvitiye gubernatorskoy vlasti v Rossii (1708–1917 gg.): istoricheskiy opyt i uroki* [The development of governorship in Russia (1708–1917 gg.): Historical experience and lessons]. History Dr. Diss. Moscow.
27. Russia. (1838) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Coll. II. Vol. 12. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 361–439.
28. The Central State Archive of Kirov Region (TsGAKO). Fund 582. List 52. File 729.
29. Prozorov, A.A. (2010) *Gorod Vyatka i ego obyvateli: memuary* [Vyatka and its Residents: Memoirs]. Kirov: Ekspres.
30. *Vyatskie gubernskie vedomosti*. (1870) 103/104.
31. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1282. List 3. File 126.
32. Romanenko, L.M. (2015) Nikolay Aleksandrovich Troynitskiy (1842–1913) [Nikolai Aleksandrovich Troitsky (1842–1913)]. In: Garyaev, N.N. (ed.) *Pochetnye grazhdane goroda Vyatki: Istoricheskie portrety* [Honorary Citizens of Vyatka: Historical Portraits]. Kirov: Gertsenska.
33. The Central State Archive of Kirov Region (TsGAKO). Fund 582. List 24 "b". File 79.
34. The Central State Archive of Kirov Region (TsGAKO). Fund 582. List 138. File 200.
35. Lysenko, L.M. (2001) *Gubernatory i general-gubernatory Rossiyskoy imperii (XVIII – nachalo XX veka)* [Governors and Governors-General of the Russian Empire (the 18th – early 20th century)]. Moscow: MGPGU.